

Пункт 3 принимается единогласно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Мы приступаем сейчас к голосованию пункта 4 этой резолюции.

Г-н де ОЛЬТЕ-КАСТЕЛЬО (Колумбия) (*говорит по-английски*) (*с места*): Я прошу, чтобы пункт 4 голосовался подпункт за подпунктом, потому что моя делегация будет вынуждена воздержаться по последнему подпункту.

Г-н ЭНДРЮС (Южно-Африканский Союз) (*говорит по-английски*) (*с места*): Нельзя ли одновременно провести голосование по подпунктам *a, b, c, d, e* и *f*.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Если представитель Колумбии не возражает, мы проголосуем подпункты *a, b, c, d, e* и *f* одновременно.

Г-н де ОЛЬТЕ-КАСТЕЛЬО (Колумбия) (*говорит по-английски*) (*с места*): Я не возражаю.

Подпункты a, b, c, d, e и f пункта 4 принимаются единогласно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): А сейчас мы проголосуем по подпункту *g* пункта 4.

Г-н МАШАДО (Бразилия) (*говорит по-английски*) (*с места*): Я прошу провести поименное голосование по подпункту *g*.

Проводится поименное голосование. Результаты голосования следующие:

Голосовали за: Австралия, Афганистан, Бельгия, Белорусская Советская Социалистическая Республика, Венесуэла, Гватемала, Гондурас, Доминиканская Республика, Дания, Исландия, Канада, Коста-Рика, Куба, Мексика, Никарагуа, Новая Зеландия, Норвегия, Панама, Польша, Соединенное Королевство, Сальвадор, Союз Советских Социалистических Республик, Соединенные Штаты Америки, Турция, Украинская Советская Социалистическая Республика, Уругвай, Франция, Чехословакия, Швеция, Югославия.

Голосовали против: Бразилия, Египет, Иран, Ирак, Йемен, Колумбия, Ливан, Пакистан, Саудовская Аравия, Сирия.

Воздержались: Аргентина, Боливия, Греция, Индия, Китай, Нидерланды, Перу, Эквадор, Эфиопия, Южно-Африканский Союз.

Пункт 4, подпункт g третьей резолюции (документ А/498) принимается 30 голосами против 10 при 11 воздержавшихся.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Теперь мы проведем голосование по третьей резолюции в том виде, в каком она содержится в документе А/498 под названием «Фонд оборотных средств».

Резолюция принимается 41 голосом против 1 при 8 воздержавшихся.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Повестка дня этого заседания исчерпана. Следующее заседание будет созвано завтра, в 11 часов.

Заседание закрывается в 23 час. 03 мин.

СТО ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Пятница, 21 ноября 1947 года, 11 час.

Флошинг Медоу, Нью-Йорк

Председатель: г-н О. АРАНЬЯ (Бразилия)

112. Доклад Первого комитета по докладу Совета Безопасности (документ А/499)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется Докладчику Первого комитета.

Г-н КАУФМАН (Дания) (*говорит по-английски*): Доклад Первого комитета гласит:

«1. Генеральная Ассамблея на своем девяносто первом заседании, состоявшемся 23 сентября 1947 года, решила передать в Первый комитет для рассмотрения и представления доклада доклад Совета Безопасности¹ (документ А/366).

2. На своем пятьдесят девятом заседании 24 сентября 1947 года Первый комитет принял решение отложить рассмотрение этого доклада.

3. Первый комитет рассмотрел доклад на своем сто шестнадцатом заседании 19 ноября 1947 года и принял проект резолюции, представленный представителем Норвегии (документ А/С.1/273).

4. В связи с вышеизложенным Первый комитет рекомендует Генеральной Ассамблее принять следующую резолюцию:

Генеральная Ассамблея

принимает к сведению доклад, представленный Советом Безопасности».

Доклад и резолюция утверждаются.

113. Предложения странам, заинтересованным в мирном договоре с Италией: доклад Первого комитета (документ А/500)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется Докладчику Первого комитета.

Г-н КАУФМАН (Дания) (*говорит по-английски*): Доклад Первого комитета гласит:

«1. Генеральная Ассамблея 23 сентября 1947

¹ См. Официальные отчеты второй сессии Генеральной Ассамблеи, Дополнение № 2.

года передала в Первый комитет для рассмотрения и представления доклада следующий вопрос: „Предложения странам, заинтересованным в мирном договоре с Италией” (вопрос, предложенный делегацией Аргентины, документ А/379).

2. На сто шестнадцатом заседании Комитета 19 ноября 1947 года представитель Аргентины снял предложение своей делегации, ввиду чего данный вопрос в Комитете не обсуждался».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): По этому докладу Генеральная Ассамблея не должна принимать никакого решения, и поэтому мы ограничимся тем, что примем его к сведению.

114. Правила приема новых членов и защита прав Генеральной Ассамблеи в отношении приема новых членов: доклад Первого комитета (документ А/502)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется Докладчику Первого комитета.

Г-н КАУФМАН (Дания) (*говорит по-английски*): Доклад Первого комитета гласит:

«1. Генеральная Ассамблея 23 сентября 1947 года передала в Первый комитет для рассмотрения и представления доклада следующие два вопроса:

- a) Правила приема новых членов: доклад Комитета Генеральной Ассамблеи (документ А/384).
- b) Защита прав Генеральной Ассамблеи в отношении приема новых членов (вопрос, предложенный Австралией, документ А/346).

2. Первый комитет рассмотрел оба эти вопроса одновременно на своем сто шестнадцатом заседании 19 ноября 1947 года.

3. Представитель Австралии снял вопрос, предложенный своей делегацией, о защите прав Генеральной Ассамблеи в отношении приема новых членов.

4. По докладу Комитета Ассамблеи относительно правил приема новых членов состоялось не продолжительное обсуждение.

5. На сто шестнадцатом заседании 19 ноября 1947 года правила, которые большинство Комитета Ассамблеи рекомендовало включить во временные правила процедуры Генеральной Ассамблеи, были поставлены на голосование, каждое правило в отдельности, без изменений.

Новое правило 113 было принято 53 голосами, причем никто не голосовал против.

Новое правило 114 было принято 53 голосами, причем никто не голосовал против.

Новое правило 116 было принято 50 голосами против 1 при 2 воздержавшихся.

Новое правило 117 было принято 53 голосами, причем никто не голосовал против.

6. Первый комитет рекомендует Генеральной Ассамблее включить следующие новые правила во временные правила процедуры Генеральной Ассамблеи, принятые 17 ноября 1947 года:

Новое правило 113

Каждое государство, которое желает стать членом Организации Объединенных Наций, подает о том заявление Генеральному Секретарю. Такое заявление должно содержать составленную в форме официального акта декларацию о том, что это государство принимает на себя обязательства, предусмотренные Уставом.

Новое правило 114

Генеральный Секретарь посылает копию такого заявления Генеральной Ассамблее или, если это происходит между сессиями Генеральной Ассамблеи,— членам Организации Объединенных Наций для сведения.

Новое правило 116

Если Совет Безопасности не делает рекомендации о приеме подавшего соответствующее заявление государства в число членов Организации или откладывает рассмотрение этого заявления, Генеральная Ассамблея может, после тщательного рассмотрения специального доклада Совета Безопасности, возратить Совету Безопасности указанное заявление вместе с полным отчетом о прениях, имевших место в Ассамблее, для дальнейшего рассмотрения и представления рекомендации или доклада.

Новое правило 117

Генеральный Секретарь извещает подавшее заявление государство о решении Генеральной Ассамблеи. Если просьба о приеме удовлетворена, вступление в Организацию становится действительным со дня принятия Генеральной Ассамблеей решения по данному заявлению.

Примечание: Если новые правила будут приняты, им будет дана соответствующая нумерация и вместе с примечаниями на полях они будут включены в измененные временные правила процедуры, уже принятые Генеральной Ассамблеей».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Поскольку возражений нет, разрешите считать, что Генеральная Ассамблея принимает четыре новых правила для включения в новые правила², которые по решению Генеральной Ассамблеи вступают в силу с 1 января 1948 года.

Новые правила утверждаются.

² См. *Правила процедуры Генеральной Ассамблеи*, декабрь 1947 года, правила 123, 124, 126 и 127.

115. Пользование правом вето: доклад Первого комитета (документ А/501)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется Докладчику Первого комитета.

Г-н **КАУФМАН** (Дания) (*говорит по-английски*): Сейчас я зачитаю доклад Первого комитета относительно созыва Генеральной конференции на основании статьи 109 Устава для изменения права вето и резолюции, принятой на второй части первой сессии Генеральной Ассамблеи в отношении пользования правом вето (документ А/501):

«1. Генеральная Ассамблея 23 сентября 1947 года передала в Первый комитет следующие два вопроса для рассмотрения и представления доклада:

а) созыв Генеральной конференции на основании статьи 109 Устава для изменения права вето (вопрос, предложенный делегацией Аргентины, документ А/351);

б) резолюция, принятая на второй части первой сессии Генеральной Ассамблеи в отношении пользования правом вето в Совете Безопасности, и вопрос о том, в какой мере выполнены рекомендации, содержащиеся в этой резолюции (вопрос, предложенный делегацией Австралии, резолюция 40(1)).

2. Первый комитет рассмотрел одновременно эти два пункта повестки дня на заседаниях со сто двенадцатого по сто пятнадцатое включительно.

3. Генеральный Секретарь в записке от 28 августа 1947 года (документ А/368) препроводил Генеральной Ассамблее сообщение Председателя Совета Безопасности о том, что Совет Безопасности рассмотрел резолюцию 40(1) относительно процедуры голосования в Совете Безопасности и передал ее в свой Комитет экспертов для рассмотрения и представления своих соображений.

Первому комитету были представлены также два предложения: вышеупомянутое предложение делегации Аргентины (документ А/351), предусматривающее созыв Генеральной конференции для изучения возможности изменения права вето, и предложение делегации Китая (документ А/С.1/202/Rev.1), в котором предлагается внести „улучшение в практику работы Совета Безопасности путем пересмотра его процедуры в полном соответствии с духом и буквой Устава”.

4. На сто тринадцатом заседании Первого комитета, состоявшемся 18 ноября 1947 года, представитель Соединенных Штатов Америки представил проект резолюции (документ А/С.1./272), в первой части которого предусматривается передать вопрос о порядке голосования в Межсессионный комитет Генеральной Ассамблеи для рассмотрения и для консультации с комитетом Совета Безопасности, а также для представления доклада следующей сессии Генеральной Ассамб-

лей; во второй части постоянным членам Совета Безопасности предлагается консультироваться друг с другом относительно вопроса о порядке голосования в Совете Безопасности.

В ходе прений представитель Соединенных Штатов Америки указал, что его делегация согласна передать вопрос о порядке голосования специальному комитету, а не Межсессионному комитету, в работе которого шесть делегаций отказались участвовать, если такое предложение приемлемо для этих делегаций.

5. Состоялось обсуждение не только предложения делегации Соединенных Штатов относительно процедуры передачи данного вопроса, но также и существа вопроса о порядке голосования в Совете Безопасности.

Некоторые делегации поддержали предложение Соединенных Штатов в целом. Другие заявили, что они согласны со второй частью предложения, но возражают против первой. Некоторые делегации возражали против всего предложения, а также против передачи данного вопроса как в специальный комитет, так и в любой другой комитет Ассамблеи.

6. На сто пятнадцатом заседании 19 ноября 1947 года предложение делегации Соединенных Штатов было поставлено на голосование без каких-либо изменений. Голосование проводилось по каждому пункту отдельно.

Преамбула была принята 44 голосами против 6.

Первый пункт резолютивной части был принят 35 голосами против 7 при 11 воздержавшихся.

Второй пункт резолютивной части был принят 43 голосами против 1 при 8 воздержавшихся.

Предложение в целом было принято 36 голосами против 6 при 11 воздержавшихся.

7. Было принято решение рекомендовать, чтобы предложения Аргентины (документ А/351) и Китая (документ А/С.1/202/Rev.1) были переданы на рассмотрение Межсессионного комитета.

8. В связи с этим Первый комитет рекомендует Генеральной Ассамблее принять следующую резолюцию:

Генеральная Ассамблея, пользуясь принадлежащим ей правом делать рекомендации относительно полномочий и функций любого из органов Организации Объединенных Наций (статья 10 Устава),

предлагает Межсессионному комитету Генеральной Ассамблеи в соответствии с пунктом 2а резолюции 111(II) Генеральной Ассамблеи от 13 ноября 1947 года, учреждающей означенный комитет:

1. рассмотреть вопрос о порядке голосования в Совете Безопасности, учитывая при этом все предложения, которые были представлены или

могут быть представлены Генеральной Ассамблее на ее второй сессии или Межсессионному комитету членами Организации Объединенных Наций;

2. вступить в консультацию с таким комитетом, какой Совет Безопасности может назначить для содействия Межсессионному комитету при изучении последним данного вопроса;

3. представить Генеральной Ассамблее на ее третьей сессии доклад с заключениями Комитета, причем этот доклад должен быть передан Генеральному Секретарю не позднее 15 июля 1948 года, а Генеральным Секретарем передан членам Организации Объединенных Наций и Генеральной Ассамблее;

предлагает постоянным членам Совета Безопасности вступить в консультацию друг с другом по вопросу о порядке голосования в Совете Безопасности в целях достижения между ними соглашения относительно мероприятий, которые обеспечили бы быстрое и эффективное выполнение Советом Безопасности своих функций.»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Соединенных Штатов Америки.

Г-н ДАЛЛЕС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Первый комитет принял очень умеренную и простую резолюцию по вопросу о так называемом праве вето в Совете Безопасности. Данная резолюция предусматривает изучение этого вопроса в предстоящем году в основном по трем направлениям. Во-первых, изучение в Межсессионном комитете по поручению Генеральной Ассамблеи; во-вторых, проведение консультации между Межсессионным комитетом и комитетом, который, как мы надеемся, может быть создан Советом Безопасности, с тем чтобы постоянно полностью учитывать точку зрения Совета Безопасности, и, в-третьих, проведение консультации между пятью постоянными членами Совета Безопасности.

Предложенная резолюция ни в коей мере не предрешает решения вопроса о праве вето. Она также никоим образом не дает оценки чьих-либо действий в прошлом и никого не осуждает. Она направлена исключительно на то, чтобы обеспечить изучение этого вопроса различными имеющимися в нашем распоряжении способами, которые представляются наиболее эффективными для достижения конструктивных результатов.

Многие делегации весьма резко высказывались в Первом комитете по вопросу о праве вето и предлагали весьма конкретные меры для его решения. Точка зрения делегации Соединенных Штатов по этому вопросу была изложена государственным секретарем Маршаллом в ходе общих прений на открытии сессии Генеральной Ассамблеи. Однако проанализировав этот вопрос, мы все пришли к выводу, что на данной сессии Генеральной Ассамблеи было бы целесообразнее не настаивать на той или иной точке зрения по

существованию вопроса и не пытаться склонить Генеральную Ассамблею к какому-либо заранее определенному решению, а целесообразнее передать весь вопрос в целом для дальнейшего рассмотрения и изучения.

Вопрос, по мере того как мы его обсуждали, превратился в чрезвычайно трудную и сложную проблему. Решить ее отнюдь не легко. По весьма большому кругу вопросов применение права вето в значительной степени оправдано. Весьма часто истинные цели и роль права вето в такой организации, как наша, на данном этапе ее существования понимаются неправильно. Ввиду этого мы полагали, что наиболее целесообразным было бы подвергнуть вопрос дальнейшему изучению.

Я повторяю, что резолюция является весьма простой. Во-первых, в ней предлагается, чтобы вопрос был изучен Межсессионным комитетом Генеральной Ассамблеи. В этой связи я хотел бы заявить, что делегация Соединенных Штатов и другие делегации указывали, что если, с точки зрения СССР, существует возражение против изучения вопроса о праве вето в Межсессионном комитете, которое было бы устранено, если бы этот вопрос изучал специальный комитет, в работе которого СССР принимал бы участие, то мы охотно внесли бы соответствующую поправку в резолюцию. Однако в ходе обсуждения в Первом комитете выяснилось, что в настоящее время СССР не согласен принимать участие в рассмотрении этого вопроса в рамках Генеральной Ассамблеи, независимо от того, будет ли он обсуждаться в Межсессионном комитете или в каком-либо другом комитете. Во-вторых, в резолюции предлагается, чтобы Межсессионный комитет сотрудничал и консультировался с любым другим комитетом, который Совет Безопасности сочтет нужным создать для такого обсуждения и сотрудничества с органом Генеральной Ассамблеи.

Мы считали, что необходимо знать точку зрения Совета Безопасности, и полагали также, что те члены Совета Безопасности, которые не пожелают принимать участие в рассмотрении этого вопроса в рамках Генеральной Ассамблеи, возможно, согласятся принимать участие в его изучении под общим руководством Совета Безопасности, и что таким образом можно было бы знать мнение Совета Безопасности и его членов.

В-третьих, в резолюции предлагается, чтобы постоянные члены Совета Безопасности провели консультации друг с другом по вопросу о порядке голосования в Совете Безопасности, с тем чтобы прийти к соглашению относительно мер, обеспечивающих, как гласит Устав, «быстрое и эффективное» выполнение Советом Безопасности своих функций.

На различных этапах обсуждения этого и других вопросов в Совете Безопасности указывалось, что СССР предпочитает во всех случаях, когда это возможно, проводить консультации между пятью постоянными членами Совета Безопасности

сти и что при таких обстоятельствах достижение конструктивных результатов было бы более вероятным. Поэтому, чтобы учесть эту точку зрения, в резолюцию включен пункт, предлагающий пяти постоянным членам Совета Безопасности провести консультации друг с другом. Такова резолюция, которая в настоящее время представлена Генеральной Ассамблеей и которая была принята Первым комитетом только при шести голосах против; и, действительно, последний пункт, если мне не изменяет память, был принят единогласно.

Задача заключается в том, чтобы найти конструктивный, разумный и объективный подход к решению весьма спорной проблемы, проблемы, которую нельзя обойти. Некоторые делегации заявили, что единственным приемлемым для них решением было бы снятие этого вопроса с повестки дня Генеральной Ассамблеи. Так решать эту проблему нельзя. Вряд ли существует вопрос, который бы в большей степени привлекал внимание членов Генеральной Ассамблеи и который бы в большей степени привлекал внимание общественности, которая пристально следит за работой Организации Объединенных Наций, чем вопрос о вето. Я еще раз повторяю, что этот вопрос невозможно игнорировать, и если мы попытаемся его игнорировать в настоящее время, то он, несомненно, встанет в иной форме и при других обстоятельствах, что нанесет больший ущерб престижу и нормальной деятельности Организации Объединенных Наций, чем принятие такой программы, какая в настоящее время представлена Генеральной Ассамблеей Первым комитетом. В этом предложении, как я уже говорил, вопрос рассматривается чрезвычайно осторожно.

Как я уже отмечал, Совет Безопасности является органом, который в настоящее время не только реализует определенные правовые нормы, но принимает также решения, которые в известной степени отражают взгляды отдельных его членов на то, какими должны быть, эти правовые нормы. На его решение могут оказывать влияние как политические факторы, так и соображения момента, ввиду чего важные и существенные решения, предусматривающие действия, затрагивающие права и положение государств — членов Организации Объединенных Наций, по всей вероятности, должны приниматься при возможно более полном единодушии членов Совета Безопасности. Представляется, однако, что по другим вопросам полное единодушие не является обязательным ни с точки зрения логики, ни с точки зрения принципов; к такого рода вопросам относятся, например, вопросы, вытекающие из положений главы VI Устава, а также такие организационные вопросы, как прием новых членов. Однако в ходе обсуждения в Первом комитете стало очевидным, что рассматриваемая проблема является весьма сложной и трудной, и поэтому представляется более целесообразным подойти к ее решению осторожно и не пытаться на данной сессии Генеральной Ассамблеи обеспечить принятие Генеральной Ассамблеей определенного решения относительно внесения коренных изменений.

Следовательно, мы имеем дело с очень важной проблемой, проблемой, которую нельзя игнорировать и которую необходимо решать так, чтобы обеспечить лучшее взаимопонимание между Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности и способствовать координированной и слаженной работе этих двух органов, без чего Организация Объединенных Наций не сможет выполнить стоящие перед ней задачи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Союза Советских Социалистических Республик.

Г-н ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Представитель Соединенных Штатов Америки в своем выступлении только что сделал попытку изобразить принятое Первым комитетом решение о передаче вопроса о принципе единогласия, или, как его обыкновенно называют, о вето, в Межсессионный комитет и о тех целях, которые при этом преследуются, в очень упрощенном виде. Он заявил, что это очень простые и умеренные решения, которые сводятся к решению этого вопроса, к консультации Межсессионного комитета с комиссией, которая может быть выделена Советом Безопасности, к предложению о консультации по этому вопросу между пятью постоянными членами Совета Безопасности. Все сказанное им дальше преследовало цель показать, что ничего серьезного в политическом смысле этого слова в Первом комитете не было принято и что весь этот вопрос, в сущности говоря, является обыкновенным, как говорят, рутинным вопросом, больше имеющим значение для улучшения техники голосования, чем для решения тех или других принципиальных вопросов. Это, конечно, совершенно неправильно. Представитель Соединенных Штатов Америки, давая такое объяснение, в сущности говоря, попытался отвлечь внимание Ассамблеи от действительных политических проблем, которые связаны с этим вопросом, и, я уже не буду этого вновь подчеркивать, преуменьшить значение этих проблем.

Между тем вопрос о принципе единогласия, о так называемом правиле вето, является одним из центральных, одним из важнейших вопросов в жизни и деятельности Организации Объединенных Наций. В этом вопросе столкнулись, как это не подлежит никакому сомнению, две основные политические линии, два основных политических направления, направления, определяющие все содержание современной внешней политики. На это обстоятельство советская делегация имела возможность и случаи указывать и ранее и, в частности, когда на первой сессии Генеральной Ассамблеи вопрос о правиле единогласия был выдвинут некоторыми делегациями, зарекомендовавшими себя в качестве непримиримых противников этого принципа и правила, выступавших против него еще в то время, когда только выработывался Устав Организации Объединенных Наций. Правда, эти делегации, как, например, аргентинская, кубинская, филиппинская и

некоторые другие, как известно, приняли Устав ООН с тем правилом единогласия, которое выражено в статье 27 Устава. Они, таким образом, приняли это правило и эту статью 27, как и ряд других статей, где также выражен этот принцип единогласия, например, 108 и 109* статьи Устава.

Казалось бы, что присоединение этих делегаций к Организации на основании данного Устава, хотя бы в нем и была статья для них неприемлемая, вызывающая их возражения, обязывает и обязывало с самого начала все эти делегации и всех членов Организации относиться к Уставу и его принципам с должным уважением, быть верными этим принципам.

Приняв Устав, члены Организации Объединенных Наций, казалось бы, должны были отказаться от борьбы против Устава и его основных принципов, каким является, несомненно, принцип единогласия великих держав при решении не proceduralных вопросов в Совете Безопасности. Ведь нельзя признать нормальным такое положение, когда государства, подписавшие Устав и, следовательно, принявшие на себя обязательства, выраженные в этом Уставе, сейчас же после того, как они подписали этот Устав, присоединились к нему, начинают борьбу против Устава и стараются всеми мерами поколебать или уничтожить один из важнейших устоев этого Устава. Нельзя признать нормальным, когда, войдя в организацию, одним из основных принципов которой при решении политических вопросов было установлено правило единогласия, какое-либо государство начало систематическую борьбу против этого принципа, подтачивая таким образом самые корни организации, к которой это государство только что присоединилось; но именно такое положение создалось с теми членами Организации Объединенных Наций, которые, подобно Аргентине, Кубе, Филиппинам, Австралии и некоторым другим, из месяца в месяц и — теперь можем сказать — из года в год ведут систематическую борьбу против принципа единогласия, добиваясь его отмены.

Одни из них откровенно требуют уничтожения принципа единогласия, делая это требование всем содержанием, я бы сказал, программой всей своей работы в Организации Объединенных Наций, мешая таким образом спокойной работе ООН, бросая эту Организацию в лихорадку, подвергая ее политической трясу, всячески повторяя изо дня в день одно и то же требование: «Вето должно быть уничтожено. Карфаген должен быть разрушен! Carthaginem esse delendam!»

Современные сципионы,** вроде аргентинской и австралийской делегации, ни о чем другом не думают, как только об уничтожении правила единогласия. Аргентинский представитель на последнем заседании Первого комитета² заявил, что

он, как хирург, добивается того, чтобы вето было «ампутировано». Можно подумать, что Генеральная Ассамблея для него является чем-то вроде хирургического госпиталя или поликлиники, или клиники, в которой каждый по-своему будет ампутировать те или другие части Устава, как ему это заблагорассудится с точки зрения его хирургических талантов.

Менее откровенно, но то же стремление к ликвидации этого правила единогласия выражено и представителем Австралии, который заявил, что линия поведения Аргентины в этом вопросе не представляет выгоды в настоящее время⁴. Г-н Эватт, следовательно, не против предложения Аргентины, — он тоже готов был бы быть ассистентом этого хирурга по ампутации, но он считает, что еще не пришло для этого время, что плод еще не созрел, чтобы его можно было сорвать, как торопится это сделать слишком уж торопливый аргентинский представитель, что на данном этапе в настоящее время достаточно ограничиться менее радикальным мероприятием, чем ампутация, с которой носится аргентинский представитель. Тем не менее г-н Эватт заявил, что со времени Сан-Франциско делегация Австралии всегда считала и продолжает считать, что пользование правилом вето, как он выразился, является «пятном на Уставе», что это является, как он сказал, «пропуском, который в Сан-Франциско оказалось необходимым сделать, чтобы позволить подписать Устав»⁵. Это чудовищно, но это факт!

Оказывается, что некоторые делегации решили сыграть роль троянского коня в этом деле. Они соглашались с вето, с правилом единогласия лишь потому, что рассматривали это свое согласие присоединения к Уставу, свою подпись под Уставом и под его основными принципами как тактический маневр, только лишь для того, чтобы позволить подписать Устав, втайне решив продолжать борьбу против Устава и против принципа, выраженного в нем, несмотря на свое присоединение к этому Уставу.

Это, конечно, достаточно характерно для того, чтобы определить степень искренности и добросовестности таких делегаций и их отношение к Уставу и его принципам, к которым присоединяются не потому, что они верят в эти принципы, готовы их отстаивать, считают их важными для своей деятельности в ООН и для деятельности самой этой Организации, а только для того подписывают Устав, чтобы дать возможность этому Уставу войти в действие, оставляя за собой полную возможность бороться против Устава, о чем они, между прочим, заявляли в то время. Это с самого начала изобличает эти делегации, представителей такой позиции, не как сторонников Устава или как сторонников Организации, опирающейся на этот Устав, а как противников этого Устава и противников этой Организации.

* В английском тексте ошибочно указана статья 110. — Прим. ред.

** Дается по официальному русскому тексту речи. — Прим. ред.

³ См. документ A/C.1/SR.113.

⁴ См. документ A/C.1/SR.112.

⁵ Там же.

Аргентинское предложение (документ А/351) — созвать специальную конференцию для отмены вето, по-видимому, представляет собой также тактический маневр, поскольку даже такие противники правила единогласия, как австралийская делегация или делегация вроде Кубы, или Перу, или Филиппин, открыто не решаются поддерживать аргентинское предложение. Они опасаются, очевидно, натолкнуться на слишком серьезное сопротивление других членов Организации, сохраняющих веру в ее принципы, понимающих, что значит затеянная делегацией Аргентины возня вокруг правила единогласия.

Эта возня уже сейчас заставляет некоторые делегации насторожиться. Эти делегации, как, например, египетская делегация или шведская делегация⁶, по-видимому, чувствуют, к чему может в конечном итоге привести эта возня, какие серьезные политические последствия могут возникнуть для Организации Объединенных Наций, если эта свистопляска вокруг принципа о так называемом вето, или, правильнее говоря, принципа единогласия в Совете Безопасности между пятью великими державами, не будет приостановлена или эта свистопляска вовсе не будет устранена из нашей Организации.

Не подлежит сомнению, что сознание назревающей в недрах Организации Объединенных Наций опасности для самого существования этой Организации не может не вызвать чувства законной тревоги у всех честных сторонников международного сотрудничества, у всех честных сторонников политики мира и безопасности народов. Это не могут не учитывать, разумеется, противники такой политики, горящие нетерпением, чтобы ампутировать вето, чтобы ликвидировать принцип единогласия, чтобы ослабить таким образом Организацию Объединенных Наций, мешающую проведению политики, преследующей цели и задачи, не имеющие ничего общего с целями и задачами Организации Объединенных Наций. Они чувствуют, что игра ва-банк будет проиграна на данном этапе и что замечание даже нидерландской делегации о том, что «или в Организации Объединенных Наций будет существовать вето, или вовсе Организация Объединенных Наций не будет существовать», стоит того это замечание, чтобы призадуматься перед тем, как идти ва-банк⁷.

Предложение Аргентины это тактический маневр, не имеющий никакого серьезного практического значения. Я бы сказал: это — холостой выстрел. Мы уже привыкли к таким выстрелам. Мы не сомневаемся, что этот выстрел сделан по заказу или по приказу из штаб-квартиры американской делегации, как это уже заведено в дипломатической практике Соединенных Штатов Америки, когда сами США не считают нужным тратить зря даже холостые снаряды и предоставляют это удовольствие своим послушным последователям.

В ряде случаев позиция Соединенных Штатов решительно выступить против неугодных им принципов или предложений кончается провалом. В результате Соединенные Штаты вынуждены соглашаться на меньшее, чтобы спасти свое лицо. Не лучше ли в таком случае не рисковать собственными боками, тем более, что всегда найдутся не очень требовательные и не очень щепетильные охотники предоставить Соединенным Штатам Америки свои собственные бока, тем более, что это возможно сделать в порядке взаимного ленд-лиза, предоставить эти собственные свои бока, на которых можно отыгаться так же успешно, как и на всякой барабанной шкуре. Не потому ли в данном случае Аргентине предоставили сомнительную честь здесь выступить с самостоятельным предложением о созыве конференции для «ампутации» вето?

При этом сами организаторы этого предложения, как я уже сказал, отлично знают, что эти предложения не будут и не могут быть приняты и поддержаны, по крайней мере, необходимым большинством Ассамблеи и что они, эти подстрекатели к такого рода предложениям, к ампутации вето и конференциям для этой цели, не смогут поддержать это предложение, во всяком случае открыто.

Ведь не случайно то обстоятельство, что во время последней дискуссии в Первом комитете по аргентинскому предложению речь шла вовсе не об аргентинском предложении. Кажется, кроме Дании и Кубы, если я не ошибаюсь, и еще кое-кого не нашлось ни одной делегации, которая заявила бы о готовности к такому самопожертвованию. Даже представитель Соединенных Штатов г-н Даллес заявил, — это было на тринадцатом заседании, — что американская делегация согласна с делегацией СССР в том, что принцип, или правило, единогласия действительно является защитой каждого государства, что принцип единогласия защищает, как он сказал, права меньшинства против произвола большинства. Так в чем же тогда дело? Из-за чего тогда загорелся весь этот сыр-бор?

О выступлении г-на Даллеса я, впрочем, скажу несколько дальше особо. Я здесь замечу, что на этот раз Соединенные Штаты также не решились открыто выступить против правила единогласия, хотя свое заявление по этому вопросу обставили такими оговорками, которые на деле подготавливают почву для отмены этого правила единогласия, являются по существу первым шагом к тому, чтобы свести это правило единогласия на нет.

В то время как Аргентина кричит об «ампутации» вето, когда Куба и еще кое-кто подуськивают на это Аргентину, Соединенные Штаты Америки и, скажу кстати, Соединенное Королевство предпочитают не очень форсировать события, не бросаться в омут борьбы против правила единогласия очертя голову. Они, наоборот, на словах продолжают стоять якобы за вето, за принцип единогласия, а на деле осторожно и хитро, но последовательно и неустанно пытаются обкарнать его, сузить его, уничтожить не принцип еди-

⁶ См. документ А/С.1/SR.114, стр. 7 и 9 англ. текста.

⁷ См. документ А/С.1/SR.114, стр. 2 англ. текста.

ноглася, — боже упаси, ведь они сторонники этого принципа, — они так говорят, — а самое применение этого принципа в целом ряде случаев, из которых и составляется вся практическая работа Совета Безопасности.

Они, конечно, сочувствуют Аргентине, но предпочитают действовать более осмотрительно и спокойно, надеясь, что время работает на них, что делегации, сегодня еще упорствующие и нежелающие к ним присоединиться в этом вопросе, через некоторое время будут вынуждены изменить свою позицию под влиянием развития событий, которые все больше и больше будут ослаблять самостоятельность разных государств под давлением финансовых, экономических мероприятий, как «доктрина Трумэна» или «план Маршалла».

В этой связи я должен коснуться этого вопроса. Выступая на днях в конгрессе в защиту своего плана, который он назвал планом восстановления Европы, г-н Маршалл старался изобразить дело так, будто главная цель этого плана — облагодетельствовать Европу или, как он выразился, европейское сообщество, которое должно включать в себя и Западную Германию в качестве одного из устоев международной безопасности. При этом не обошлось без явного извращения фактов, поскольку дело изображалось так, будто бы к западу от линии, на которой во время войны встретились англо-американские войска с советскими войсками, европейские государства решают послевоенные проблемы без давления со стороны Соединенных Штатов Америки или Соединенного Королевства, тогда как европейские государства к востоку от этой линии находятся под воздействием руки чужеземцев. Конечно, всем ясно, о каком чужеземце здесь говорил г-н Маршалл.

Достаточно ознакомиться, однако, с речью г-на Маршалла в конгрессе от 10 ноября, чтобы убедиться в том, как, в сущности говоря, беззастенчиво правительство Соединенных Штатов Америки собирается обойтись с этим европейским сообществом, опутываемым долларовыми займами, субсидиями и еще больше — обещаниями займов. Г-н Маршалл пока не все еще говорит на этот счет. Но его заявление о том, что Соединенным Штатам придется в Европе выполнить важные функции, для чего будет назначен специальный посланник для Европы, как он сказал, в целях координации разных мероприятий, говорит само за себя.

Этот посланник для Европы по «плану Маршалла» должен будет наблюдать за тем, чтобы правительство Соединенных Штатов Америки действительно получило от соответствующих европейских стран гарантию того, что помощь, которую оно оказывает, будет эффективно использована для скорейшего восстановления Европы. Еще не раскрывается сущность этих гарантий, еще не говорят о том, в чем же будут заключаться эти гарантии, но в чем бы они ни заключались, гарантии есть гарантии. Известно, что га-

рантией для Шейлока служит фунт человеческого мяса. Таким образом, не европейские страны, а американский посланник для Европы будет определять, что эффективно и что неэффективно в деле восстановления той или иной европейской страны.

До сих пор мы считали, что это суверенное право каждой страны определять, какие мероприятия эффективны для восстановления хозяйства этой страны, а какие неэффективны. Теперь откровенно заявлено нам 10 ноября, что это будет определять американский посланник для Европы. Можно сказать, что от суверенности этих европейских стран остаются рожки да ножки. Вот что, оказывается, означает утверждение г-на Маршалла, что восстановление Европы будет осуществляться без экономического и иного давления со стороны Соединенных Штатов. Вот чем пахнет эта так называемая американская помощь Европе!

Об американской помощи Европе специально говорил на днях и сенатор Ванденберг в своем выступлении 3 ноября в Мичиганском университете. Сенатор Ванденберг указал на то, между прочим, что Соединенные Штаты не должны игнорировать «сознательный риск, на который они должны пойти». Для чего? Для того, чтобы предупредить, как он выразился, «опасность фактического исчезновения черт западной цивилизации, на которых основано наше, то есть Соединенных Штатов Америки, правление и наш, то есть Соединенных Штатов Америки, образ жизни»⁸.

Так в этих словах сенатора Ванденберга раскрывается политический замысел правящих американских кругов, собирающихся оказывать Европе эту якобы бескорыстную так называемую экономическую помощь. Именно поэтому в речи сенатора Ванденберга было уделено так много места и расколу Организации Объединенных Наций на два лагеря, и самовосхвалению по поводу ленд-лиза, и напоминаниям американцам, что «пока мы обсуждаем вопросы, независимо от того, в каком сердитом тоне происходит обсуждение, мы все же не стреляем», и праву вето, которое для блага Соединенных Штатов Америки должно быть якобы ограничено так, как этого добивается на Ассамблее американская делегация, с точностью следующая директивам сенатора Ванденберга, наконец, безответственным намекам на тех, кто ожидает экономического краха Соединенных Штатов, с тем якобы, чтобы, как он выразился, «покончить со всякой демократией». Все это раскрывает действительное политическое значение и смысл всего этого «плана Маршалла» теперь уже гораздо более определенно, чем это было некоторое время тому назад. Поскольку идет речь о том, что с Востока идут нападки на «план Маршалла», замышляют «покончить со всякой демократией», можно сказать, что, очевидно, по мнению оратора, американские

⁸ Сенатор Ванденберг цитирует здесь г-на Маршалла.

капиталистические монополии и являются надежным оплотом демократии. Но в таком случае остается только пожалеть демократию.

Но все это нам уже известно. Мы это уже слышали десятки раз. Но каждый раз мы задаем вопрос: разве такие рассуждения видных представителей американских правящих кругов, рассуждения с довольно прозрачными намеками на время, когда не спорят, а стреляют, — это и называется в этих кругах призывом к сотрудничеству?

Чем же это отличается, позволительно спросить, от угроз и от попыток политической психической атаки? Все это нельзя упускать из виду при обсуждении вопроса о принципе единогласия.

Мы видим, что делегация Соединенных Штатов Америки заявляет, по существу, что она сейчас не готова поддерживать аргентинское предложение. Она предлагает меньшее: ограничить применение правила единогласия тем, что говорится в Уставе, за исключением VI главы, которая предусматривает мирные способы разрешения в Совете Безопасности споров и ситуаций, угрожающих миру и безопасности народов, а также за исключением вопросов, касающихся приема новых членов.

Вот здесь, в этой области, Соединенные Штаты Америки предлагают не применять в Совете Безопасности правила единогласия. Но эти мероприятия Соединенные Штаты Америки не предлагают проводить уже сейчас, в данное время. Г-н Даллес уверял Первый комитет⁹, — он повторил это здесь сегодня, — что задача достаточно сложна, чтобы ее сразу решить, что поэтому полезно пока заняться изучением этой проблемы. Он уверял, что данная сессия не может сейчас заняться таким изучением, так как это потребует много времени, и поэтому настаивал на передаче этого изучения в Межсессионный комитет, правда, оговорив, что, если делегация СССР будет возражать, он готов пойти на комитет *ad hoc*. Но это, так сказать, компромиссное предложение нельзя не рассматривать как тактический маневр, который преследует цель продемонстрировать якобы уступчивость Соединенных Штатов Америки, которые, видите ли, хотя и готовы даже пойти на учреждение комитета *ad hoc*. Но, как показал затем ход событий в Первом комитете, Соединенные Штаты Америки вовсе не думали уступать, предлагая этот комитет *ad hoc*. Дело в том, что они заранее были уверены, что советская делегация не пойдет ни на какой комитет *ad hoc*, ни вообще на какой-нибудь комитет, цель которого, в конце концов, подготовить Организацию Объединенных Наций к той хирургической операции, о которой мечтает наш хирург — аргентинский делегат г-н Арсе.

Ведь, несомненно, не для того создавался Межсессионный комитет, чтобы не использовать его, этот очень удобный инструмент большинства, особенно после того, как в этот комитет не

вошли СССР и ряд других государств, — не использовать его для таких острых политических целей, как отмена правила единогласия.

Явно стремясь усыпить внимание противников какого бы то ни было пересмотра Устава и тем более отмены принципа единогласия, г-н Даллес в Первом комитете — и это он сделал также и сегодня, хотя и более кратко, — старался изобразить дело так, что речь идет не об изменении этого принципа единогласия, а об изменении прав применения этого принципа. Дело, оказывается, в том, если послушать г-на Даллеса, что «со времени Сан-Франциско изменился», как он выразился в Первом комитете, «политический аспект этого вопроса». Кроме того, оказывается, принцип единогласия не достиг своей цели и привел, как он сказал, к разногласиям. Поэтому в Уставе, и, в частности, в статью 27, необходимо внести поправки. Г-н Даллес требовал рассмотреть этот вопрос на более широкой основе, учитывая позицию других государств, но отложив рассмотрение этого вопроса по существу на следующую сессию.

Вся его речь в Первом комитете, когда я слушал его, мне очень напоминала льстивые речи лисы, расхваливавшей в известной басне ворону, державшую во рту кусочек сыра. Остается только подождать, чтобы ворона по своей вороньей наивности каркнула и выпустила сыр из клюва, а хитрая лиса сумеет уже потом справиться с ним, как нужно.

Свой поход против правила единогласия Соединенные Штаты, Великобритания, Австралия и некоторые другие страны изображают как поход против принципа единогласия, а против злоупотребления этим принципом. Это тоже не новый прием, господа. Этот прием рассчитан на то, чтобы обмануть колеблющихся, политически их обмануть и перетащить на свою сторону. Кто же, в самом деле, будет отстаивать всякие злоупотребления, кто же, в самом деле, не согласится на то, что должны быть приняты меры, чтобы не было таких злоупотреблений? Разве таким образом, под таким соусом, под лозунгом борьбы против злоупотреблений не легче добиться того, чтобы сначала было ограничено правило единогласия, а потом, как сказал аргентинский представитель, и вовсе «ампутировано». Хирурги для этого налицо.

Вот как мы, советская делегация, рассматриваем всю эту затею, результатом чего явилась резолюция Первого комитета, которая является не чем иным, как походом против правила единогласия. Сейчас этот поход идет, как я показал или старался, во всяком случае, показать, под знаком борьбы якобы со злоупотреблением этим правом, причем это злоупотребление приписывается, конечно, Советскому Союзу, поскольку Советский Союз в ряде случаев вынужден был воспользоваться этим правом, вынужден был воспользоваться им для того, чтобы предотвратить принятие большинством членов Совета Бе-

⁹ См. документ A/C.1/SR.113, стр. 1 англ. текста.

зопасности несправедливых и неправильных решений.

Я хотел бы несколько подробнее разобраться в этом деле, ибо здесь содержатся уже обвинения не только самого принципа единогласия, но и тех, кто является наиболее последовательными и решительными защитниками этого принципа, как мы говорили, являющегося, в свою очередь, защитой прав народов и их интересов, защитой меньшинства против произвола большинства. С этим не мог не согласиться в Первом комитете даже аргентинский представитель*. В самом деле, что мы имели в тех случаях, когда применялось вето,— злоупотребление правом вето или защите правого дела при помощи этого правила единогласия?

Известно, что за истекшее время Совет Безопасности рассмотрел ряд вопросов большого политического значения. Значительную часть этих вопросов Совет Безопасности рассматривал по нескольку раз, поскольку большинство членов Совета настойчиво добивались проведения своей линии, не встречавшей единодушной поддержки всех членов Совета. Такие вопросы, как испанский, как вопрос о греко-албанских отношениях, об инциденте в проливе Корфу, рассматривались Советом по два раза. Вопрос о положении на северных границах Греции рассматривался три раза, вопрос о приеме новых членов в Организацию Объединенных Наций рассматривался даже десять раз.

Таким образом, по четырем вопросам советская делегация, применяя и используя правило единогласия, применяла вето, которое механически подсчитали противники этого принципа и объявили, что вето применялось советской делегацией 17 раз. Однако все эти 17 раз были повторением первых четырех раз. Ничего нового сюда не прибавлялось. Если таким образом эти вопросы провокационно ставить в Совете Безопасности 170 раз, а не 17 раз, то 170 раз пришлось бы применять самое вето, ибо дело шло об одних и тех же предложениях, которые нельзя отвергать сегодня, а завтра поддерживать. Возможно, некоторые делегации предпочитают поступать таким образом, однако Советский Союз так никогда не поступал.

Во всех случаях применения вето представитель Союза Советских Социалистических Республик действовал совершенно правильно, так как он не был в состоянии присоединиться к позиции большинства членов Совета Безопасности, поскольку эта позиция не оправдывалась ни конкретными, фактическими обстоятельствами данного дела, ни теми морально-политическими соображениями, которые могли бы быть положены в основу решения, предлагавшегося большинством.

Я не могу, разумеется, разбирать все эти слу-

чай, но позвольте на некоторых из них остановиться, для того чтобы рассеять эти совершенно неправильные, я бы сказал, клеветнические утверждения о том, что Советский Союз необоснованно применял правило единогласия, пользовался этим правилом единогласия и применял право, принадлежащее ему и вытекающее из этого правила, для того, чтобы тормозить работу Совета Безопасности, что это способ саботирования работы в Совете Безопасности. Это — клевета! Советский Союз в Совете Безопасности последовательно применял предоставленное ему Уставом право в случаях, которые были достаточно серьезными для того, чтобы это право применить. Я вам назову только несколько примеров.

Испанский вопрос. Известно, что Советский Союз при нескольких голосованиях по этому вопросу высказывался против решений большинства — решений, которые по существу сводились к тому, чтобы оправдать франкистский режим и помешать демократическим государствам оказать давление в связи с испанским кризисом для блага испанского народа, чтобы защитить испанский народ от тяготеющего над ним гнета и порабощения, потому что решения, которые предлагались в Совете Безопасности по испанскому вопросу, были не чем иным, как выражением покровительственного и снисходительного отношения к Франко.

Для того чтобы это было яснее, я просто обращу ваше внимание на то, что происходило на этой Ассамблее, когда некоторые делегаты выступали с открытой защитой Франко,— тот же аргентинский представитель. И вот представьте себе, каково же должно было быть положение представителя СССР в Совете Безопасности, когда предлагались резолюции, являвшиеся, в сущности говоря, поощрением франкистского режима? Конечно, Советский Союз должен был возражать и раз, и два, и если бы этот вопрос ставился 22 раза, то все 22 раза Советский Союз применял бы свое право, предоставленное ему Уставом.

Не для того мы подписывали Устав, не для того мы входили в Организацию, чтобы приспособляться к обстоятельствам, отбрасывая в сторону борьбу за принципиальную политическую линию. Мы вошли сюда для того, чтобы отстаивать те принципы, которые выражены в Уставе, но франкистский режим несовместим с этими принципами, но те предложения, которые вносились по испанскому вопросу в Совете Безопасности и всякий раз натывались на сопротивление советского представителя, несовместимы с духом и принципами основ, на которых построено Устав нашей Организации и сама наша Организация.

Естественно, что Советский Союз голосовал против резолюций, и он был прав, и эту его правоту подтвердила прошлогодняя сессия Генеральной Ассамблеи, когда она 12 декабря 1946 года приняла резолюцию 39 (I), которая осуж-

* Дается по официальному русскому тексту речи. В английском тексте — «представитель Соединенных Штатов». — *Прим. ред.*

дает франкистский режим, чего никогда не осмеливался сделать Совет Безопасности, и рекомендовала отозвать из франкистской Испании послов и посланников. Демократические страны это сделали. Некоторые страны, претендующие на то, что они демократические страны, этого не сделали, наоборот, усилили свои связи с Франко, усилили свои дружественные, сердечные с ним отношения.

Кто же был в этом случае прав? Делегация СССР, которая боролась в Совете Безопасности против принятия гнилых, компромиссных, сомнительных и покровительствующих режиму Франко резолюций — Советский Союз и Генеральная Ассамблея, которая 12 декабря приняла серьезную, политически важную, ответственную резолюцию против режима Франко с категорическими рекомендациями, которые шли в направлении осуждения этого режима, то есть когда Ассамблея стала на позицию, которую защищал, пользуясь правилом единогласия, так называемым вето, советский представитель в Совете Безопасности.

Возьмем другой случай применения вето. Это вопрос о приеме новых членов. Советский Союз твердо и последовательно отстаивает свою позицию, которая, мне кажется, достаточно ясна. СССР возражает, с одной стороны, против приема в Организацию Объединенных Наций таких государств, как Эйре, Португалия, Трансмордания и Австрия, по разным, неодинаковым мотивам и, с другой стороны, настаивает на том, чтобы одновременно и на равных основаниях были приняты в Организацию Объединенных Наций пять бывших сателлитов Германии, не одна Италия, которую хотят вырвать из общей суммы всех пятерых, а чтобы все пять были приняты одновременно и на равных основаниях, — и Италия, и Румыния, и Болгария, и Венгрия, и Финляндия. А не так, чтобы вырвать Италию с одного конца, Финляндию — с другого конца, — принять их в Организацию Объединенных Наций, а остальных трех не принимать, приписывая им совершенно без всяких оснований такие качества, которых они не имеют, и выдвигая эти надуманные мотивы против возможности принятия этих государств в Организацию Объединенных Наций.

Мы говорим, что такие государства, как Эйре и Португалия, в Организацию Объединенных Наций нельзя принимать, потому что они не отвечают требованиям статьи 4 Устава. Об этом здесь уже мы говорили подробно, и я не могу, конечно, все это сейчас повторять. Мы подозревали и подозреваем, более того, мы утверждаем, что все поведение Эйре и Португалии во время второй мировой войны — вся их внешняя политика была направлена не в интересах Объединенных Наций, борющихся с гитлеровской Германией, а была направлена на пособничество гитлеровской Германии.

Разве не факт, что Ирландия — эти ворота Европы в Атлантический океан — была правительством де Валера закрыта на замок для того, чтобы не допустить прибытия из Соединенных Шта-

тов Америки снаряжения и войск для помощи Великобритании, для борьбы против гитлеровской Германии, для того, чтобы разгромить этот очаг фашизма в Европе, для того, чтобы освободить Европу от фашистского ига, как это было условлено между руководителями трех государств еще в Ялте, в резолюции об освобождении Европы? Разве не факт, что в Дублине в течение всей войны сидели германские разведчики благодаря покровительственному отношению Эйре к Германии и Италии и с большим удобством для себя осуществляли отсюда немецкий шпионаж на всех Британских островах? А теперь нам говорят, что Ирландия (Эйре) — это миролюбивая страна и что ее нужно принять в состав Организации Объединенных Наций и выдать, таким образом, ей патент на миролюбие.

В значительной степени аналогичное положение мы видим и в отношении Португалии. Так называемый нейтралитет Португалии, под маской которого Португалия неизменно оказывала во время войны содействие гитлеровской Германии в ее борьбе против демократических стран, достаточно характеризует это государство. Известно, что ведь через Португалию шел вывоз испанских цветных металлов, направлявшихся в страны гитлеровского блока. Португалия в течение почти всей войны не давала возможности союзникам пользоваться портами Азорских островов как базами для воздушных сил и для военного флота, что особенно было важно на известных этапах войны. Лишь когда судьба Германии была уже решена, Португалия согласилась предоставить союзникам возможность пользоваться своими портами. И вот за эти заслуги Португалии перед гитлеровской Германией, за эти заслуги португальского правительства в войне, которую навязали миру гитлеровские разбойники, теперь, очевидно, и предлагают, вопреки всем правилам, принять Португалию в Организацию Объединенных Наций и выдать ей патент на миролюбие.

Делегация СССР не могла согласиться и не может согласиться с такого рода предложением, ибо это есть грубейшее нарушение и издевательство над принципами Устава, требующими борьбы против фашизма во всех видах. Не может советская делегация сидеть рядом с Португалией, которая поддерживает дружественные отношения с франкистской Испанией, не смывшей еще со своих рук крови, пролитой испанской «Голубой дивизией» в СССР. Не может советская делегация пойти на такие компромиссы. Вот, г-н Мак-Нил, где начинается действительная торговля лошадьми — «horse-trading». Своими принципами советская делегация не поступится, как никогда не поступалась. Однажды мы уже были в аналогичном положении, когда оказались в одиночестве в Лиге Наций; мы знаем, каковы были результаты этого, и мы знаем также, что за этим последовало.

Нам теперь говорят: вы злоупотребляете правом вето. Но, господа, если позиция Советского

Союза и наложение вето по испанскому вопросу, по вопросу о приеме в нашу Организацию и Ирландии, и Португалии — пособников фашистов в мировой войне, врагов не наших врагов, а врагов наших друзей, — если вы это называете злоупотреблением правом вето, то позвольте спросить, что же тогда правильное применение правила вето?

Возьмем еще один пример — инцидент в проливе Корфу. Когда в Совете Безопасности делегацией Соединенного Королевства было выдвинуто обвинение против Албании в подрыве английских миноносцев в проливе Корфу, делегация СССР возражала против такого обвинения. Советская делегация действовала так потому, что этот инцидент в проливе Корфу изображался тенденциозно, вопреки фактам. Английские представители игнорировали действительные факты. Они стремились во что бы то ни стало обвинить Албанию вопреки фактам. Могли ли мы пойти на соучастие в этом деле? Нет, не могли.

Мы в целом ряде случаев, не будучи согласны с большинством и имея полное формальное юридическое право применить так называемое вето в Совете Безопасности, не применили его. Здесь отметил г-н Пароди, французский делегат, что советская делегация взяла на себя инициативу толкования воздержания не как вето, хотя и для этого имеются достаточные юридические основания, чтобы облегчить решение некоторых вопросов, по которым не было достигнуто единогласия. Но это советская делегация допускает намеренно и совершенно сознательно по вопросам, которые не затрагивают принципов, составляющих сущность работы нашей Организации.

Уничтожив эти принципы, мы уничтожим моральное лицо самой нашей Организации и превратим ее в Организацию, построенную на практике оппортунистического приспособления одной делегации к другой, на кулуарных всякого рода соглашениях, на кулуарной торговле (что справедливо осуждается), на готовности пожертвовать принципами со стороны одних, если готовы пожертвовать своими принципами другие; организация, опирающаяся на такую политику, — это мертвая организация. Это не поле битвы за правду и справедливость, а это кладбище, где покоятся под тяжелыми могильными плитами великие принципы демократии и права. Делегация СССР не пойдет, не станет на такой путь, всегда оставаясь последовательным сторонником тех принципов, которые мы приняли на себя, приняв Устав и вступив в Организацию.

Перехожу к инциденту в проливе Корфу. Я назову вам несколько фактов, которые отрицать никому не следует потому, что их отрицать нельзя, и вы должны будете тогда сказать, было или нет злоупотребление правом вето со стороны советской делегации тогда, когда она при наличии фактов не могла присоединиться к резолюциям, которые обвиняли Албанию в преступлениях, не совершенных ею.

Вот первый факт. Существует так называемая

Средиземноморская коллегия по тралению мин. В обязанности этой Средиземноморской коллегии по тралению мин входит очистка от мин водных пространств Средиземноморского бассейна. Известно, что в числе этих водных пространств имеются территориальные воды Албании. Не естественно ли было предоставить Албанию право принять участие в протраливании своих собственных вод для очистки от мин на равных основаниях с другими суверенными государствами?

А между тем, что получилось? Средиземноморская коллегия по тралению мин отказала Албании в ее праве участвовать и в Коллегии, и в тралении этих самых мин. И больше того, Средиземноморская коллегия возложила обязанность тралить от мин территориальные воды Албании — на кого? На Грецию. Это все равно, как если бы поручили, скажем, кошке заботиться о здоровье и благополучии мышки. Вы знаете отношения, которые существуют между Грецией и Албанией. И в этих условиях говорят: Греция будет очищать албанские воды от мин, но не Албания. Почему? Потому, видите ли, что у Албании нет минных тральщиков. Но позвольте уже самой Албании организовать свою работу так, как она сочтет это нужным. Занять ли у кого-нибудь эти тральщики, купить ли у кого-нибудь эти тральщики. Но как же можно Албанию лишить права в своих собственных территориальных водах тралить эти воды от мин?

А между тем так именно и было. Югославский представитель и советский представитель в этой Средиземноморской коллегии несколько раз — я могу привести точные даты — требовали допустить Албанию к протраливанию своих собственных вод от мин наравне с другими государствами, участвующими по этому соглашению в Средиземноморской коллегии по тралению мин. Это систематически отклонялось благодаря настояниям Великобритании и Греции. Таким образом, Албания ожидает своей очереди, но, разумеется, она будет ждать напрасно, потому что суда любой страны могут очищать албанские воды от мин, но только не суда самой Албании. Это подтверждается многочисленными документальными доказательствами.

Второй факт. В албанских водах, как у себя дома, хозяйничают разные иностранные суда. Так, например, 15 марта 1947 года от берегов Италии прибыло к берегам Албании несколько судов без всякого разрешения и даже предупреждения албанского правительства. Таким образом, суверенитет албанских территориальных вод постоянно и систематически нарушался английскими и греческими судами, о чем также существуют документы. Не очевидно ли, что при таких обстоятельствах албанское правительство никак не может нести ответственности за то, что делается в его территориальных водах, и в частности в проливе Корфу. Следовательно, Албания не могла нести ответственность ни за какие инциденты, какие могли бы здесь быть, следова-

тельно, и за инцидент, который был 22 октября с двумя английскими миноносцами.

Третий факт. Мы имеем экспертизу французского эксперта¹⁰, которая полна всякими противоречиями, на что уже указывал в свое время мой коллега г-н Громыко в Совете Безопасности. Я называю этот факт к сведению тех, кто захотел бы познакомиться с этим делом.

Четвертый факт. Заявление колумбийского представителя г-на Сулета-Анхель, что нет фактов, на основании которых можно было бы сделать, не допуская сомнений, выводы, что именно Албания поставила мины или знала, что мины поставлены, в чем ее обвиняют. Между тем это обвинение до сих пор служит основным препятствием для приема Албании в Организацию Объединенных Наций.

Наконец, пятый факт, и еще более важный, относится к вопросу о фарватерах в проливе Корфу. Известно, что английские власти без предварительной консультации с Албанией неоднократно переносили фарватер протреленных вод с одного места на другое, углубляясь в албанские территориальные воды и грубо, таким образом, нарушая суверенитет Албании. Я не могу не отметить такой значительный факт, как то, что фарватер, в котором подорвались два английских миноносца 22 октября 1946 года — это должно быть известно всем членам Генеральной Ассамблеи, — не совпадает с тем фарватером, который был протрелен и о котором упоминает английская нота от 9 декабря 1946 года. Этот факт указывает, что английские корабли забрались не туда, где было безопасно плавать, что они забрались в албанские воды, которые не были показаны как протреленные, и, следовательно, сами взяли на себя риск плавания в этих водах.

Да разве такие случаи, кроме того, — и это шестое соображение, — разве такие случаи подрыва судов в водах, которые были объявлены протреленными и свободными от мин, — разве не было таких аналогичных случаев подрыва на минах, разве это был только единственный случай? Я напомним, что 26 июля 1946 года на протреленном англичанами фарватере в районе Дьеппа подорвалось французское судно «Компъен». Я напомним, как 26 августа 1945 года на протреленном фарватере в районе острова Вальхерен, за траление которого несла ответственность Бельгия, подорвалось на mine голландское судно «Христиан Гюйгенс». Я напомним, что за время с 8 мая 1945 года по 31 августа 1946 года в европейских водах на минах подорвалось ни больше ни меньше, как 196 кораблей разных национальностей, причем на фарватерах, которые были объявлены официально протреленными от мин, то есть безопасными для плавания, подорвалось ни больше ни меньше, как 30 судов.

Но ведь ни в одном случае никому не пришлось в голову обвинять бельгийское правительство

или обвинять английское правительство, когда дело касалось голландского судна, или французского судна, или каких-либо других, в том, что они совершили преступление против человечности, как было сформулировано в Совете Безопасности обвинение против Албании. Вы только обратите внимание на эти факты, и вам станет совершенно ясно, что вся эта история с ответственностью Албании за якобы совершенные ею преступления против человечности является искусственной, что это обвинение продиктовано нездоровыми политическими тенденциями. Естественно, что советская делегация, Советский Союз не могли голосовать за такое предложение.

Я мог бы привести целый ряд фактов, которые проходили через Совет Безопасности, где делегация СССР, пользуясь предоставленным ей правом, возражала против несправедливых, незаконных, необоснованных, фиктивных, искусственных, ложных обвинений, выступая в защиту малых миролюбивых демократических стран, потому что они не могут защищаться так, как может защитить их великая держава, применяя право вето.

Но я ограничусь только сказанным и должен извиниться за то, что несколько злоупотребляю временем Ассамблеи. Мы обязаны указать, что мы вправе как меньшинство, по крайней мере, представить убедительные аргументы, если не выиграть в голосовании, ибо, как сказал уже здесь югославский представитель: у меньшинства — аргументы, у большинства — голоса.

Но как же можно при таком положении вещей говорить о злоупотреблении правом, выраженным в статье 27? Разве не делает грубой ошибки, например, премьер-министр Великобритании г-н Эттли, который на днях в палате общин заявил, что вето использовалось в Совете Безопасности в ущерб Совету Безопасности, что оно использовалось, видите, по «пустяковым делам», по «пустяковым вопросам», что в результате это сводит к нулю уважение, как сказал г-н Эттли, достоинство и полномочия Совета Безопасности!

Разве это не является грубой ошибкой, свидетельствующей о совершенно неправильном представлении о фактическом положении вещей? Несомненно, английский премьер-министр основывал свое заявление на данных, полученных из официальных источников. Вряд ли можно ожидать, что г-ну Эттли известны все факты, что ему известно, что «Компъен» и 195 других судов подорвались на минах и что никто не нес за это ответственности. И вот теперь, несмотря на факты, свидетельствующие в пользу Албании, ее обвиняют в преступлении против человечности. Я должен указать на определенные политические тенденции в руководящих кругах по отношению к так называемому праву вето — тенденции, которые заключаются в том, чтобы опорочить это право вето.

Оказывается, если послушать этих руководителей, советские представители в Совете Безо-

¹⁰ См. *Официальные отчеты Совета Безопасности*, второй год, Дополнение № 6, документ V.

пасности применяют вето по «пустяковым делам». Что это означает? Оказывается, это означает, например, что, по мнению английского премьер-министра, поощрение фашистского режима Франко — это «пустяковое дело»; что принятие в Организацию Объединенных Наций фашистских пособников Эйре и Португалии — «пустяковое дело»; обвинение Югославии, Болгарии и Албании в агрессивных намерениях, от чего вынуждены были отказаться теперь даже авторы этих обвинений, — это «пустяковое дело»; обвинение Албании в преступлении против человечности — это «пустяковое дело».

Ну, знаете, если все это «пустяковые дела», то при такой тенденциозности теряется способность различать дела пустяковые и дела серьезные. С такой позицией нельзя согласиться, так как она опирается на ложные основания, что не может не привести, разумеется, и к ложным выводам. Вот так обстоит дело с обвинениями в злоупотреблении так называемым правом вето. Никаких злоупотреблений нет! Если говорить о злоупотреблении своим правом со стороны большинства, атакующего меньшинство, которое отказывается согласиться с мнением большинства. Они стараются заставить его пойти за большинством. А когда это не удается, они стараются опорочить позиции меньшинства, заклеить позиции тех, кто якобы злоупотребляет правами, предоставленными Уставом.

Все, что я сказал — я убежден в этом, — всякому беспристрастному человеку достаточно убедительно покажет, что действительно представляет собой право вето, как подлинное орудие в защите прав меньшинства и прав любого государства в правом деле, как несправедливы обвинения в злоупотреблении этим правом и как в действительности это обвинение приводится только для того, чтобы открыть лазейку для ликвидации этого права, неудобного для сколоченного различными способами большинства, занимающего на Ассамблее господствующее положение.

Да разве вчерашнее голосование по южноафриканскому вопросу не говорит, какие тенденции здесь преобладают, когда в Ассамблее не нашлось необходимых двух третей голосов для осуждения южноафриканской дискриминационной политики против индейцев и негров. Вы хотите, чтобы мы были с этим согласны? Не будет этого и не может быть, потому что принцип единогласия является основой всякого международного сотрудничества. Организация Объединенных Наций призвана «поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры... развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов... осуществлять международное сотрудничество... и... быть центром для согласованных действий наций в достижении этих общих целей».

Вот как определяются в Уставе основные цели Организации Объединенных Наций. Для достижения этих целей Устав указывает надлежащий путь и надлежащие средства. Он говорит об уважении принципа суверенного равенства всех членов Организации; говорит об обязанности членов Организации добросовестно выполнять принятые на себя по Уставу обязательства.

В этой связи мы должны подчеркнуть особо обязательства, возложенные на Совет Безопасности, который, по выражению статьи 24 Устава, несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, действуя при этом не только как Совет Безопасности — 11 членом, — но действуя, как говорится в этой статье, от имени всех членов Организации. Это — высокая обязанность и большая ответственность. Сознание всей важности такой ответственности и вызвало необходимость установить такую процедуру решения вопросов в Совете Безопасности, которая в максимальной степени обеспечивала бы правильное функционирование механизма Совета Безопасности.

Именно это и вызвало необходимость возложить на Совет Безопасности чрезвычайные полномочия, и эти чрезвычайные полномочия, возложенные на Совет Безопасности, потребовали, чтобы постоянные члены Совета Безопасности, которых покойный президент Рузвельт в свое время назвал «главными хранителями мира», — чтобы они взяли на себя «моральное руководство и чтобы они действовали во всех решениях Совета согласованно, не подвергая опасности свои жизненные интересы».

Так писал покойный президент Соединенных Штатов Америки Рузвельт маршалу Сталину в послании от 14 декабря 1944 года. Он указывал, что постоянные члены Совета Безопасности должны действовать, никоим образом не нарушая основного принципа единогласия во всех решениях Совета, затрагивающих их интересы, и что великим державам должна быть предоставлена специальная роль в деле сохранения мира при помощи силы. Эта же позиция, как известно, была подтверждена и в американском заявлении в Ялте 7 февраля 1945 года, и спустя четыре месяца после этого на Конференции в Сан-Франциско, в заявлении от 7 июня¹¹ четырех приглашающих правительств, о котором г-н Даллес сказал в Первом комитете, что это заявление не является соглашением и еще менее является соглашением, связывающим на продолжительное время.

Позиция г-на Даллеса, конечно, не есть его личная позиция. Это позиция американской делегации, которая тоже выражает не свою позицию, а позицию правительства Соединенных Штатов. Эта позиция, с нашей точки зрения, аб-

¹¹ См. Конференция Объединенных Наций по созданию Международной Организации, Комиссия III, Совет Безопасности, Комитет I, Организация и процедура, документ 852 (французский) III/1/37(1).

солютно неправильна, ибо как обязательство, взятое на себя в свое время президентом Рузвельтом от имени Соединенных Штатов Америки, так и те заявления, которые были официально сделаны на протяжении всего этого времени, от 1944 по 1945 год, представителями Соединенных Штатов Америки, это не выражение личных мнений, а подтверждение обязательств, которые были взяты на себя Соединенными Штатами Америки. Отказываясь теперь от этих обязательств, хотят нам преподнести вето, как отсутствие обязательств, когда выступает г-н Даллес со своим рискованным лозунгом: «Не будет возврата к Тегерану, Ялте и Потсдаму».

О чем это говорит, как не о желании ликвидировать эти обязательства, принятые в свое время на себя, но которые теперь уже неудобны, которые не соответствуют теперь новому курсу, потому что, конечно, при жестком курсе не могло бы быть таких обязательств, которые взяло на себя правительство Соединенных Штатов Америки, искавшее дружбы и сотрудничества с Советским Союзом и с другими демократическими странами. Наоборот, отказ от таких обязательств вполне естественен, когда ищут повода отказаться от сотрудничества, подорвать самую основу сотрудничества.

С таким заявлением г-на Даллеса нельзя согласиться, так как заявлением 7 июня 1945 года четыре приглашающие державы, по существу, подтвердили принятые на себя в Ялте обязательства действовать на основе правила единогласия и выразили при этом уверенность, что это правило отвечает реальным интересам договаривающихся сторон и реальным интересам всей Организации Объединенных Наций. Поэтому соглашение от 7 июня, которое так третируется сейчас представителем Соединенных Штатов Америки, нельзя рассматривать как никого ни к чему не обязывающий документ. Наоборот, это очень важный документ, который проливает, притом полный, свет на то значение, которое учредиители Организации Объединенных Наций придавали принципу единогласия.

Я позволю себе напомнить некоторые места из этого заявления. Они, может быть, лучше моих слов, — я не сомневаюсь, что лучше, разумеется, чем мои слова, — покажут, насколько неосновательно было говорить о том, что этот документ ничем никого не связывает, по крайней мере, на продолжительное время.

Обратите внимание на четвертый пункт этого заявления, где говорится: «...решения и действия Совета Безопасности могут иметь крупные политические последствия и могут даже положить начало цепи событий, которые могут в конце концов потребовать, чтобы Совет» — Совет Безопасности, — «выполняя свои обязанности, предпринял меры принуждения, предусмотренные в разделе В главы VIII». Это соответствует нынешней главе VII Устава. И дальше: «Эта цепь событий начинается тогда, когда Совет решает произвести расследование или определяет, что пришло

время обратиться к государствам с призывом разрешить их разногласия или сделать сторонам рекомендации».

В пункте пятом заявления говорится: «...решение сделать рекомендации, даже когда все стороны просят об этом, или призвать стороны, участвующие в споре, выполнить обязательства, предусмотренные в настоящем Уставе, может быть первым шагом в направлении действия, от которого Совет Безопасности сможет уклониться только с риском не выполнить лежащие на нем обязанности».

В пункте седьмом говорится, что «ялтинская формула голосования, то есть правило единогласия, не предоставляет постоянным членам никакого нового права, а именно права вето, которым постоянные члены Совета Лиги Наций всегда обладали». В этом пункте подчеркивается, что «предложенная формула о принятии в Совете Безопасности решений большинством в семь членов делает деятельность Совета менее подверженной обструкции, чем это было в Лиге Наций, правила которой предусматривали полное единогласие».

Вы видите из этих трех пунктов — 4, 5 и 7, на какую громадную принципиальную высоту упомянутые державы в этом заявлении подняли вопрос о правиле единогласия. Вы видите, что они сформулированы с исключительной тщательностью и точностью, определяя к тому же не только ближайшие цели, ближайшие последствия того или другого шага, который предпринимает Совет Безопасности, но и отдаленные звенья той цепи событий, которые неизбежно могут развернуться впоследствии в связи с принятием Советом Безопасности того или иного решения.

В заявлении 7 июня 1945 года далее говорится, что даже решения о том, чтобы назначить расследование какого-нибудь факта, — о чем, между прочим, у нас при обсуждении вопроса о межсессионном комитете говорили так, как будто это ничего не значащая функция или, во всяком случае, значащая очень мало функция, которая принадлежит, дескать, каждому вспомогательному органу, что, конечно, абсолютно неправильно, — что, даже принимая решение произвести какое-то расследование, Совет Безопасности должен учитывать все те последствия, которые могут проявиться в дальнейшем, к чему Совет Безопасности должен быть готов, чтобы его первое решение не превратилось в бумажку, как очень часто мы это наблюдаем с рекомендациями Генеральной Ассамблеи.

Как можно видеть, четыре приглашающие державы исходили, устанавливая правило единогласия, из чрезвычайной ответственности за дело поддержания мира и безопасности, которое лежит на великих державах, располагающих для осуществления указанной цели необходимыми материальными средствами, организационными возможностями и военными силами. В этом за-

явлении приглашающие державы исходили из трезвого учета реальной обстановки.

Это отчетливо сказалось особенно в следующем, девятом пункте декларации, в котором указывается, что «ввиду основной ответственности постоянных членов от них нельзя ожидать, при настоящих условиях, существующих в мире, чтобы они приняли на себя обязательства действовать в таких серьезных делах, как поддержание международного мира и безопасности, в соответствии с решениями, с которыми они не согласны. Поэтому,— говорится далее в этом пункте декларации четырех держав,— «для того, чтобы принятие решений Советом Безопасности по большинству голосов было возможным, единственным практичным методом будет предусмотреть в отношении непроцедурных решений единогласие постоянных членов плюс совпадающие голоса, по крайней мере, двух непостоянных членов»¹².

Отсюда был сделан, естественно, и правильный вывод. В заявлении говорилось: «По всем этим причинам четыре приглашающих правительства согласны с ялтинской формулой и представляют ее этой Конференции как необходимую для того, чтобы была создана международная организация, через которую все миролюбивые нации могут эффективно нести их общую ответственность за поддержание международного мира и безопасности».

Теперь это соглашение четырех держав представитель Соединенных Штатов Америки пытается дезавуировать. Мы не можем это объяснить ничем иным, как попыткой расчистить дорогу к отказу от выполнения обязательств в отношении правила единогласия, которое принято было на себя в свое время правительством Соединенных Штатов Америки.

Вполне понятно, что когда в том же 1945 году в комиссии по иностранным делам сената Соединенных Штатов Америки был задан государственному секретарю Соединенных Штатов г-ну Стеттиниусу вопрос, что произойдет, если один из пяти постоянных членов использует правило единогласия, чтобы остановить принудительные действия против себя самого,— тогдашний государственный секретарь США ответил:

«Если одна из этих наций когда-либо пойдет по пути агрессии, результатом будет еще большая война, безразлично, каковы будут постановления о членстве и голосовании в Совете Безопасности. Устав не предоставляет великим нациям каких-либо прав, которыми они не обладают уже в действительности, и без Устава власть этих наций поддерживать или нарушать мир уже существует. Устав делает лишь то, что налагает особую, связывающую обязанность на великие

нации,— обязанность использовать власть, которая в их руках, вместе и в согласии для мира, а не порознь для войны»¹³.

Г-н Стеттиниус в своем докладе выразил мнение всей делегации Соединенных Штатов Америки, что требование единогласия пяти постоянных членов с гарантиями, которые были предусмотрены, не только существенно для успеха Организации Объединенных Наций в ближайшие годы, но что это требование признает и подтверждает полномочие, которое, по мнению большинства американцев, Соединенные Штаты Америки должны иметь ввиду большой ответственности, которую они неизбежно должны принять на себя для поддержания мира. «Правило единогласия», говорил в то время тогдашний государственный секретарь г-н Стеттиниус, «есть выражение этой специальной обязанности и соответствующей ответственности»¹³.

Поскольку сейчас все более и более настойчиво раздаются голоса против суверенности государств, против суверенного равенства народов, о чем категорически говорится в Уставе, нелишне напомнить, что в докладе тогдашнего государственного секретаря Соединенных Штатов Америки был дан отпор такого рода тенденциям, хотя и менее категоричным и определенным, чем это имеет место на нынешней Ассамблее. В этом американском документе можно прочесть следующее:

«Генеральная Ассамблея — не законодательный орган. Это международное собрание представителей суверенных наций. Поэтому голосование по важному вопросу едва ли будет иметь место до исчерпания всех средств соглашения, обычных при переговорах между нациями с целью достичь общей точки зрения». (Здесь нужно, конечно, отметить отличие этого правила, этого принципа от той практики, которая у нас ведется уже второй год. Мы видим, как эта практика и этот принцип расходятся между собой на деле.)

«...Большая часть критики правил о голосовании в Уставе возникает потому, что забывают, что Объединенные Нации не федерация, не мировое государство и что процедура голосования суверенных членов — наций не может по необходимости рассматриваться на той же базе, как процедура голосования в парламентах штатов или в конгрессе»¹⁴.

Сейчас эта позиция меняется. Сейчас американские представители на деле принимают все меры к тому, чтобы дезавуировать принятые на себя Соединенными Штатами Америки два-три года назад обязательства в отношении принципа единогласия, хотя и стараются прикрыть это

¹² Конференция Объединенных Наций по созданию Международной Организации, Комиссия III, Совет Безопасности, Комитет I, Организация и процедура, документ 852 (французский) III/I/37(1).

¹³ *Hearings before the Committee on Foreign Relations, United States Senate, Seventy-Ninth Congress, First Session*, p. 215, United States Government Printing Office, Washington, 1945.

¹⁴ *Ibid.*, p. 217.

рассуждениями о том, что дело идет вовсе не об устранении этого принципа, а только об устранении каких-то несуществующих злоупотреблений при применении этого принципа.

Некоторые выступавшие в Первом комитете по этому вопросу заявляли, что право вето является привилегией великих держав, нарушением принципа суверенного равенства всех членов Объединенных Наций. Они глубоко заблуждаются. Привилегия, о которой они говорят, в действительности является не привилегией, а той особой ответственностью, которую по Уставу Организации Объединенных Наций члены Организации возложили на Совет Безопасности, по преимуществу в лице его постоянных членов. Минувшая вторая мировая война показала, что стоит великим державам эта так называемая «привилегия». Это — не привилегия, а это положение исключительной ответственности, о котором совершенно правильно говорило американское правительство в 1945 году и от чего представители американского правительства отказываются в 1947 году.

Поддерживающие предложение Соединенных Штатов Америки некоторые делегации живут, очевидно, воспоминаниями о Лиге Наций, о том квазидемократизме, который выражался в поголовном равенстве голосов каждого из членов Лиги Наций, независимо от того, каков удельный вес этих государств и действительно ли они равны друг другу, действительно ли каждое из них равно другому с точки зрения тех реальных возможностей, которыми располагает данное государство в поддержании мира и безопасности, в борьбе против агрессии. Это нужно иметь в виду. Нельзя смешивать равенство государств с равенством людей.

Поэтому говорить о каких-то привилегиях, которые якобы присвоили себе пять великих держав, якобы нарушив таким образом принцип суверенного равенства народов и другие демократические принципы, можно только из явных демагогических побуждений, не отдавая себе отчета в том, что в действительности является демократией и что является отрицанием демократии. Лига Наций весьма кичилась своим демократизмом. Но в действительности это был лжедемократизм, который в эфемерном, абстрактном равенстве утопил всякую реальную возможность бороться за мир и безопасность народов, а это-то и является прямым отрицанием целей и предпосылок демократии. Ведь не случайно поэтому борьба против принципа единогласия переплетается с борьбой против демократии. Не случайно, что дело складывается — это мы видим и на настоящей Ассамблее — так, что противниками этого принципа единогласия выступают, как правило, те государства, которые проводят политику «сердечных отношений» с режимом Франко, в котором нельзя найти даже отдаленного сходства с демократическим государством. Не случайно, что именно те, кто поддерживает Франко, здесь выступают главными противни-

ками правила единогласия. Это не случайно поэтому, что правило единогласия есть один из столбов демократии и демократизма в работе Организации Объединенных Наций.

Но в данном вопросе есть еще одна сторона дела, на которую я считаю необходимым обратить ваше внимание, ибо эта сторона немаловажная. Речь идет о том положении, в котором оказался СССР в Организации Объединенных Наций.

Советский Союз является наиболее последовательным проводником демократических идей, наиболее последовательным борцом против всяких попыток подменить международное сотрудничество на здоровых демократических основах политикой диктата. Союз Советских Социалистических Республик является представителем того направления во внешней политике, которое стремится к укреплению международного сотрудничества, к укреплению мира и безопасности народов. Однако это расходится с интересами некоторых других государств, и раньше всего Соединенных Штатов Америки, внешняя политика которых преследует цели экспансии и мирового господства, что находится в противоречии с принципом равенства государств и другими демократическими принципами Организации Объединенных Наций. Стремление к осуществлению этих целей и вызывает в недрах Организации Объединенных Наций борьбу против самих принципов этой Организации, против ее Устава, а, следовательно, и против того сотрудничества, которое не может осуществляться иначе, как на основе Устава и при наличии полного и безусловного уважения к принципам, выраженным в Уставе.

Делегация Соединенных Штатов Америки доказала всей своей деятельностью на этой Ассамблее, что она пренебрегает этими принципами и самим Уставом. Она доказала это тем, что явилась инициатором и застрельщиком на этой сессии многочисленных нарушений Устава путем таких предложений, как учреждение межсессионного комитета, призванного сыграть роль одного из главных органов Организации Объединенных Наций, но замаскированного под вспомогательный орган; принятие решения о назначении комитета по греческому вопросу, явно нарушающего принцип суверенного равенства народов, провозглашенный Уставом; нарушение статьи 23 Устава и принципа избрания в Совет Безопасности непостоянных членов, связанное, как известно, с ожесточенным сопротивлением со стороны англо-американского блока избранию в Совет Безопасности представителя Украинской Советской Социалистической Республики; рекомендация по корейскому вопросу, противоречащая договоренности великих держав по поводу Кореи; включение в повестку дня вопроса о так называемом вето и передача этого вопроса на рассмотрение Межсессионного комитета, что является грубым нарушением интересов Организации Объединенных Наций, которые требуют, чтобы этот вопрос был снят с повестки дня, ибо он

является, занозой в теле нашей Организации, постоянным очагом воспалительного процесса, грозящего превратиться в гнойную язву. К этому можно добавить и такие предложения, как произвольная рекомендация с обращением к Международному Суду по поводу толкования статьи 4 Устава, явно противоречащая Уставу; произвольная и политически тенденциозная рекомендация Совету Безопасности по поводу принятия в Организацию Объединенных Наций таких «миролюбивых» государств, как Эйре, Португалия, Трансиордания, Австрия и другие.

Вот далеко не полный перечень тех актов Ассамблеи, предпринятых на этой сессии по инициативе делегации Соединенных Штатов Америки и под прямым их давлением. Эти акты изобличают действительных виновников подрыва международного сотрудничества, подрыва Организации Объединенных Наций.

Между тем представители Соединенных Штатов Америки, как, например сенатор Остин, обвиняют СССР в подрыве Устава Организации Объединенных Наций, заявляя, что отказ Советского Союза участвовать в комиссиях, созданных в нарушение Устава, подрывает основные устои и все здание Организации Объединенных Наций. Вот уж поистине валят с большой головы на здоровую!

В действительности основные устои Организации Объединенных Наций подрывает не отказ от участия в незаконно созданных органах Организации, а создание этих незаконных органов. Устои Организации подрывает в неменьшей мере методически ведущаяся кампания против таких принципов Организации, как правило единогласия. Мы должны помнить, что 18 ноября г-н Даллес в Первом комитете заявил¹⁵, говоря о принципе единогласия, что гармония пяти великих держав была результатом объединения великих держав в борьбе против общего врага, но теперь не существует общего врага, и эта гармония в значительной степени перестала существовать. Он заявил, что предпосылки принципа единогласия, утвержденного в качестве основного принципа Организации несколько лет тому назад, оказались неправильными. Что может означать такое заявление, как не призыв к коренной ревизии Устава, как не удар по его основным устоям?

Соединенные Штаты находят поддержку со стороны некоторых делегаций, и в первую очередь Соединенного Королевства, Китая, Франции. Выступления сэра Хартли Шоукросса¹⁶, д-ра Веллингтона Ку¹⁷, г-на Пароди¹⁸ в Первом комитете не оставляют сомнения в том, что они идут по той же дороге. Нас не могут обмануть

всякие звонкие фразы в пользу принципа единогласия при одновременном осуждении практики применения этого принципа, при одновременных попытках на деле сломать правило единогласия.

Г-н Шоукросс говорит, что только путем полного единогласия можно было бы обеспечить согласованность между великими державами, но в то же время он поселяет сомнение в возможности обеспечить такую согласованность. Он говорит, что нужно улучшить международные отношения и что Великобритания не хочет уничтожить правило единогласия, и вместе с тем он предлагает заключить джентльменское соглашение между постоянными членами о более правильном, умеренном, как он говорит, применении вето. Но как можно говорить о каком-то джентльменском соглашении между постоянными членами Совета Безопасности, если, по словам г-на Шоукросса, международные отношения мешают достижению такого соглашения?

Г-н Шоукросс считает, что великие державы могли бы договориться между собой по целому ряду пунктов в отношении применения правила единогласия и что в выработке такого соглашения должна заключаться якобы задача Межсессионного комитета. Но остается вопрос: как может с такой задачей справиться Межсессионный комитет, когда в нем не принимают участия и не примут участия ни Советский Союз, ни другие пять государств, которые не согласны с учреждением такого комитета? Другой вопрос: как можно рассчитывать на выработку такого соглашения по поводу принципа единогласия в Межсессионном комитете, если, как утверждает г-н Шоукросс, дело заключается не в правиле единогласия, а в международных отношениях?

Не ясно ли, что все эти lamentации британского представителя представляют собой пустые разговоры? За деревьями всяких прекрасноречивых слов о согласованности, о джентльменских соглашениях и прочем хотят скрыть лес мрачных намерений, направленных на ликвидацию правила единогласия, или, как сказал г-н Маршалл, на либерализацию процедуры голосования, что одно и то же. Мы знаем, что словами о либерализме нередко прикрываются реакционные идеи и реакционные дела!

Делегация Соединенного Королевства, как и большинство других делегаций, идет по стопам Соединенных Штатов Америки, которые явно тяготеют к наличию правила единогласия в Уставе Организации Объединенных Наций, которые считают, что изменился политический аспект с того времени, когда этот принцип был утвержден, что исчезает или исчезла уже гармония пяти держав и что, следовательно, является уже архаизмом этот устаревший и немодный теперь принцип единогласия.

Передачу вопроса о принципе единогласия или о вето в Межсессионный комитет нельзя поэтому рассматривать иначе, как этап на пути к отмене и ликвидации принципа единогласия. Сей-

¹⁵ См. документ А/С.1/SR.113, стр. 1 англ. текста.

¹⁶ См. документы А/С.1/SR.77, стр. 2; А/С.1/SR.96, стр. 5; А/С.1/SR.114, стр. 2 англ. текста.

¹⁷ См. документы А/С.1/SR.95, стр. 16; А/С.1/SR.115, стр. 1 англ. текста.

¹⁸ См. документы А/С.1/SR.77, стр. 10; А/С.1/SR.96, стр. 3 англ. текста.

час нам предлагают отказаться от этого принципа в отношении главы VI, то есть во всех тех вопросах, которые связаны с мирным урегулированием споров и ситуаций.

По замыслу американской делегации, это правило не должно применяться, например, в случаях, указанных в статье 34 Устава, то есть когда речь идет о расследовании споров и ситуаций, которые могут привести к международным трениям или продолжение которых может угрожать поддержанию международного мира и безопасности.

В заявлении, сделанном четырьмя приглашающими державами 7 июня 1945 года, указывалось, однако, что при назначении расследования Совет Безопасности должен учитывать, не приведут ли такие меры, как посылка комиссии по расследованию, к дальнейшему ухудшению положения, и что Совет должен поэтому иметь в виду необходимость дальнейших мероприятий, которых он не сможет избежать, не рискуя при этом не выполнить своих функций.

Теперь американское правительство предлагает при принятии решения о расследовании споров и ситуаций, указанных в статье 34,— а мы видели, что это очень важное решение, связанное с решением очень важных вопросов,— не применять правило единогласия. Иначе говоря, нынешнее американское предложение бьет прямо по принципу, провозглашенному в Сан-Франциско и вошедшему в Устав как одно из средств, как одна из гарантий, призванных обеспечить единство великих держав. Ясно, что с таким предложением не может согласиться ни одна делегация, ни одно государство, уважающее себя и сознающее свою ответственность за выполнение обязательств, принятых на себя при подписании и ратификации Устава.

Я кончаю. Позвольте сделать выводы. Принятая 19 ноября Первым комитетом резолюция (документ А/501) является прямым покушением на правило единогласия, являющееся, в свою очередь, одним из важнейших и основных принципов Организации Объединенных Наций, одним из могучих и реальных средств, обеспечивающих единство великих держав, основой сотрудничества миролюбивых народов. Эта резолюция завершает собой определенный этап похода против принципа единогласия, похода, ведущегося под руководством правительства Соединенных Штатов Америки, на котором и должна лежать вся полнота ответственности за последствия, которые неизбежно повлечет за собой принятие и реализация этой резолюции. Ведь не случайно, что в документе, воспроизводящем эту резолюцию, стоящем четвертым пунктом нашей повестки дня, воспроизводится аргентинское предложение, которое говорит о созыве конференции для упразднения права вето. Не случайно Межсессионному комитету, этому незаконному детищу произвольного обращения с Уставом, со стороны большинства Первого комитета и Генеральной Ассамблеи поручается рассмотреть вопрос о по-

рядке голосования в Совете Безопасности, учитывая все предложения, которые могут быть представлены Генеральной Ассамблее на ее второй сессии или Межсессионному комитету. Это значит, что Межсессионный комитет должен будет учесть, если вы примете эту резолюцию, также и предложение Аргентины, которое требует созыва конференции для упразднения права вето.

Но если вы примете эту резолюцию, то вы этим подтвердите то, что вы действительно хотите поддержать предложение Аргентины, направленное на «ампутацию» принципа единогласия. Вы не только передаете этот вопрос в Межсессионный комитет. Вы даете ему вместе с тем директиву учесть предложение Аргентины, которое прямо и откровенно говорит: уничтожить это ненавистное право вето; разрушить этот Карфаген; отменить принцип единогласия!

Советская делегация считает глубоко ошибочными рекомендации, принятые Первым комитетом по этому вопросу. Советская делегация голосовала против этих предложений в Первом комитете. Она будет голосовать против этих предложений и этой резолюции и здесь, на Генеральной Ассамблее.

Теперь все ясно. Теперь ясны все позиции борющихся в этом вопросе политических направлений. Ясны противоборствующие друг другу политические стремления, отголоском которых в Организации Объединенных Наций является борьба за международное сотрудничество или за мировое господство, за Организацию Объединенных Наций или против Организации Объединенных Наций. Так поставлен сейчас вопрос. Будущее покажет, кто победит в этой борьбе.

Что касается нас, советских людей, то мы приложим все усилия к тому, чтобы обеспечить победу принципов мира и демократии над темными силами реакции, ненавистной миллионам и миллионам простых людей во всем мире.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*):
Объявляется перерыв до 15 часов.

Заседание закрывается в 13 час. 15 мин.

СТО ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Пятница, 21 ноября 1947 года, 15 час.

Флошинг Медоу, Нью-Йорк

Председатель: г-н О. АРАНЬЯ (Бразилия)

116. Продолжение обсуждения вопроса о пользе вании правом вето

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*):
Слово предоставляется представителю Чехословакии.

Г-н **СЛАВИК** (Чехословакия) (*говорит по-английски*): Глава делегации Чехословакии в своем